

организации достигли того предела, когда все слова сказаны, запас ругательств исчерпан, и остается либо пустить в ход кулаки, либо разойтись врозь. Большевики и меньшевики перестали разговаривать друг с другом, в районах ячейки открыто кололись. Центральный Комитет назначил суд над Лениным¹⁾. Понятно, как должна была отразиться эта история на ходе выборов!

Но прежде чем перейти к результатам выборов на заводах, я должен вернуться несколько назад и рассказать о том, что происходило в это время в Петербурге в городской курии.

С середины октября политическая жизнь Петербурга сосредоточилась в избирательной кампании.

Сначала прощались в «разъяснениях» избирательных прав населения.

«Разъяснили» рабочих-квартирантеров, железнодорожников, крестьян-интеллигентов. Путем предъявления 129 статей депутатам, подписавшим «Выборгское воззвание», «разъяснили» почти всех лидеров конституционно-демократической партии. Но, пожалуй, самым неожиданным «разъяснением» явилось требование, чтоб избирательные бюллетени были скреплены печатью городской управы, с одновременным предписанием управе: не выдавать бюллетеней никому, кроме «зарегистрированных» партий. А «зарегистрированы» были: Союз Русского Народа, Партия Правового Порядка, Союз 17-го октября и Партия Мирного Обновления²⁾. Таким образом, оппозиционные партии лишались возможности раздавать избирателям бюллетени с именами своих кандидатов.

¹⁾ Именно на этом суде Ленин формулировал свой взгляд на допустимые в политике приемы, формулировал его в выражениях, которые впоследствии повторялись нераз противниками большевиков.

²⁾ Последняя удостоилась регистрации не сразу.

Но раздражение против правительства в различных слоях населения было слишком велико, чтобы политика сенатских «разъяснений» могла принести желательные для Столыпина плоды.

В смысле внешнем вторая избирательная кампания протекала в Петербурге приблизительно так же, как в прошлый раз: та же публика, те же борющиеся партии, те же лица за председательским столом и на ораторской трибуне. Но содержание борьбы было уже иное. Я сказал бы: кампания приобрела большую серьезность.

По-прежнему на авансцене шла борьба между большевиками и кадетами. Но как непохожа была эта борьба на лихие схватки прошлой кампании!

Тогда большевики с их бойкотом и кадеты с их «крестом над Казанским собором» соперничали в политическом легкомыслии. Те и другие одинаково сеяли иллюзии, без счета выдавали векселя, по которым не могли заплатить. Теперь, после опыта первой Государственной Думы, спор между партиями принял деловой характер.

В частности, наша ораторская коллегия на этот раз относилась к делу со всей требуемой серьезностью. По поручению товарищей, я внимательно перечел стенографические отчеты первой Государственной Думы и сделал выписки из речей кадетских лидеров; затем, мы наметили те моменты, на которых следовало остановить внимание избирателей: история с земельными комитетами, кадетские законопроекты о собраниях и о печати, обращение к народу по земельному вопросу. Эти моменты вскрывали различие двух тактик: давшей подчиняющей думскую деятельность интересам организаций народных сил для вседумской борьбы, и кадетской, отгораживающейся от народа и ставящей себе целью соглашение с правительством.

Что касается до партии Народной Свободы, то она, как и в первую кампанию, первоначально пыталась устранить из спора тактические вопросы и поставить перед избирателями дилемму: или — за правительство Столыпина, или —